

Короткая Проза

**ИГОРЬ
ЯГУПОВ**

ЗАПИСКИ ОФИСНОЙ КРЫСЫ

ПОВЕСТИ

Игорь ЯГУПОВ

Записки офисной крысы

«Э.РА»

2015

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Ягупов И.

Записки офисной крысы / И. Ягупов — «Э.РА», 2015

Повести профессионального журналиста и переводчика Игоря Ягупова можно отнести к жанру городской прозы. В «Записках офисной крысы» вас ждут забавные истории из жизни толмача крупной торговой компании. Вместе с героями повести «Побег в Рождество» вы совершите романтическое путешествие в предновогоднюю Финляндию. Необычная «лав стори» придает произведению особый стиль. С острой на язык журналисткой знакомит читателей повесть «Токсичная улыбка». Авторский стиль легок и полон юмора.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

© Ягупов И., 2015
© Э.РА, 2015

Содержание

Записки офисной крысы	5
Вместо предисловия	5
Котел брата Вениамина	6
Тебе какого Сеппо надо?	9
Где его кейс?	11
Большие жирные МакДаки	13
Заначка, сэр!	15
Рогатый бизнес	17
Птица Феликс	19
По законам военного времени	21
Гармонь, моя любимая	22
По две курицы за страницу	23
Неуверенный Егорыч	24
Терве, терве, негодяи!	25
Капитанский капкан	26
Только без макарон!	28
Американская гордость	30
Лихой паромщик	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Игорь Ягунов

Записки офисной крысы

Записки офисной крысы

Вместо предисловия

Драгоманы, чичероне, толмачи, интерпретаторы, переводчики – у нас много имен. Мы помогаем людям общаться. И наши длинные языки свешиваются из наших ртов до колен.

- Вы кто по профессии? – спрашивают меня.
- Офисная крыса.
- Кто, кто?
- Офисная крыса.

Из всего перечисленного выше множества названий моей профессии мне лично не нравится ни одно. В основном я сижу в офисе у компьютера. Так как же мне себя после этого называть?

- А точнее? – настаивают незнакомцы.
- Я переводчик.
- И что же вы переводите?
- В основном бумагу.

Это чистая правда, ибо львиная доля контрактов, деловой переписки и инструкций, над которыми я просиживаю днями, идет в мусорную корзину.

- А какие языки вы знаете? – не унимаются доброхоты.
- Я никаких языков не знаю.
- То есть?
- Я работаю на трех языках.

Это профессиональная обида всех переводчиков. Знать можно все что угодно. Мы все, например, знаем ядерную физику. Мы учили ее в средней школе. Но это вовсе не означает, что нам можно доверить лабораторию в Дубне. Знать и работать – понятия, которые не имеют между собой ничего общего.

- И на каких же языках вы работаете?
- На английском, итальянском и финском.
- Интересно...

По-разному бывает. Профессия переводчика малооплачиваема и бесславна. Но помогает набить чемодан памяти диковинными житейскими историями, способными снискать вам в старости славу барона Мюнхаузена. Вот лишь несколько из них.

Котел брата Вениамина

Шведы приехали! Шведы! Партнеры, голубчики, кормильцы! Мы сидим в кабинете директора нашего торгового холдинга – моего непосредственного шефа.

– Ларе! Эрик! – фальшиво радуюсь я, кривя рот в улыбку, которая должна казаться добросердечной.

Хотя, по правде говоря, добросердечность давно закончилась. Слезы умиления обсохли на щеках. И разговор предстоит не из легких. Шведский партнер хочет найти следы своих денег, вложенных в наш холдинг. Совместный проект реализуется уже семь лет, но так и не заработал. Последний конфуз вышел с подачей пара, необходимого для технологического процесса. Специально закупленный для этих целей в Швеции котел таинственно исчез в позапрошлом году прямо с охраняемого склада предприятия, куда скандинавы вложили свои денежки. Шведы долго искали объяснение сему феномену, но к разумному выводу так и не пришли.

К счастью, спустя почти два года после похищения котла, когда они впервые забили тревогу, на складе уже не осталось ни одного очевидца этого происшествия. Кладовщиков и грузчиков меняли не реже одного раза в квартал. И шведы, таким образом, застали там уже седьмое или восьмое поколение, никак не отвечавшее за дела предшественников. Как говорится, не сторож я брату своему...

Помню, как-то мы с Ларсом приехали на склад часов в десять утра, но никого там не застали, кроме сторожа.

– Часикам к двенадцати соберутся, – уверил он нас.

Мы сели в машину и стали грызть орешки. Действительно, к полудню на дорогах иномарках начал съезжаться народ.

– Эти люди приехали сдавать ягоду? – не понял швед.

Дело в том, что организованная нами со шведами фирма должна была заниматься закупом у населения дикорастущих ягод. Собственно, для их последующей переработки в варенье и джемы как раз и требовался пар от котла.

– Нет, нет, это наши кладовщики, – уточнил я.

Швед удивленно заморгал глазами. Очевидно, он просчитывал, сколько же ягод надо было закупить, чтобы так щедро раскормить кладовщиков. Получилось очень много.

В середине первого у нас закончились орешки. А в начале второго на монструозном джипе подрулил Анатолий Степанович, директор. В отличие от кладовщиков, которые не обратили на нас решительно никакого внимания, он знал Ларса в лицо и с распростертыми объятиями кинулся к нашей машине:

– Пойдемте, пойдемте в офис. Там у меня коньячок, шампанское...

Мы прошли через склад. Кладовщики мрачно шатались по гулким пустым помещениям. Мы поднялись наверх.

– Коньяк? Кофе? – радушие Анатоля не знало границ.

– Спроси его, Игорь, спроси его, где котел, – умолял меня Ларе.

Ситуация была весьма пикантна. Если честно, то для ее разрешения вовсе не надо было ехать на склад и пытаться директора. Ия, и Анатолий Степанович прекрасно знали, что котел величайшей патриаршей волей Вениамина Львовича, нашего общего босса, в свое время был погружен на машину и увезен в Ставропольский край, для отопления сауны на личной даче директора, чья распаренная и отмытая после очередного отпуска физиономия явно давала котлу самые лестные рекомендации.

Мы с Анатодем посмотрели друг на друга масляными глазками.

– Анатолий Степанович, – скашивая глаза на коньяк, поинтересовался я, – наш гость спрашивает, не знаете ли вы, куда подевался его котел?

Нам обоим было стыдно. Но Анатолий Степанович вынужден был вступить в игру. Для непрофессиональных актеров мы смотрелись совсем не плохо. Особенно, если учесть тот факт, что нам пришлось импровизировать на ходу.

– А что с ним случилось, с котлом? – слегка краснея, довольно натурально удивился Анатолий. – Разве он не на складе? Я сейчас же спрошу у секретарши.

– Наташа! – позвал он по внутренней связи.

– Он выясняет судьбу котла, – улыбнулся я Ларсу. – Очень обеспокоен, очень.

В кабинет заскочила Наташка.

– Наталья, – строго сказал Анатолий, – сходи на склад и проверь, там ли паровой котел, что привезли нам наши шведские партнеры два года назад.

Наташка растерянно заморгала:

– Так его ж еще позапрошлой весной к Вениамину Львовичу на дачу...

– Веньямын Львович? – встряхнулся Ларе.

– Она говорит, что Вениамин Львович уже интересовался судьбой этого котла, – пояснил я. – Тоже очень беспокоился.

А Анатолий тем временем, как из бауки, испепелил глупую Наташку огненным взглядом.

– Котла на складе нет, – констатировал он после истребления секретарши.

– Она говорит, что его нет на складе, – перевел я Ларсу трагичную новость, бессильно пожав плечами.

У шведа начала подергиваться щека. Наверное, он счел нас полными идиотами.

– Но мы сделаем все возможное, чтобы его найти, – гордо заявил Анатолий.

– Котел будет найден, он обещает, – утешил я Ларса, и мы отбыли восвояси.

Похищение котла переполнило чашу шведского терпения. На нас посыпались аудиторские проверки. Анатолий ходил мрачнее тучи, хотя его вина была минимальна. Он был третьим по счету директором (его взяли из какой-то котельной) и пришел сюда, когда все основные фонды были уже украдены предшественниками.

Первый директор, Пузанов, уйдя «с позором» через три года после своего назначения, тут же зарыл позор в землю и прорастил из него за одну ночь, как мечтал Буратино, собственный банк. Второй директор продержался еще три года и уехал отсюда с гордо поднятой головой прямо в трехэтажный особняк с видом на залив. Анатолию достались пустые склады и разжиженные кладовщики. На предприятии торжествовал парадокс, когда у директора была более дешевая машина, чем те, на которых ездили кладовщики.

Анатолию ничего не оставалось, как украсть джип. Кладовщики тут же ответили двумя «фольксвагенами». Анатолий завел себе золотой браслет граммов на сто. Кладовщики стали шушукаться в каптерке, строя планы мести. Сложилась революционная ситуация, из которой бывший истопник вышел с честью, уволив всю стаю кладовщиков вместе с грузчиками. Новое поколение, заселившее каптерку, хотя и воспитывалось Анатолием в строгости и воздержании, подержанными иномарками через пару месяцев все же обзавелось.

Короче говоря, война велась не на жизнь, а на смерть. О ягодниках все давно и думать забыли. И похищенный еще при его предшественнике котел стоял у Анатолия, как кол в горле, не давая развернуться и упрочить победу. Вот и сейчас он бродит по директорскому кабинету в томлении духа.

– Здравствуйте, Анатолий Степанович, – приветствую я его.

Анатолий вздрагивает и опасливо косится на Ларса и Эрика. Толстая тетка в углу – очередная аудиторша, нарывшая кучу компромата, закуривает длинную сигарету и шепчется о чем-то с Борей Лыжниковым, личным представителем концерна Ларса в России.

За последние несколько месяцев Борино чувство справедливости обострилось катастрофически. Во всех бедах совместного проекта он склонен винить наш холдинг и лично директора, который сидит тут же и разговаривает по телефону. А ведь еще полгода назад Боря рабо-

лепно бегал к Вениамину Львовичу на поклон. Теперь Боря роется в бумагах аудиторши и сокрушенно цокает языком.

Директор кладет трубку и приглашает всех к столу.

– Брат Вениамин! – архаически (это обращение осталось у шведов с прежних романтических времен) произносит Ларе. – Как могло так получиться, что вы заложили имущество нашей совместной фирмы в трех банках одновременно?

Я перевожу, а аудиторша, стряхивая пепел в гостевую – шеф не курит, и у него аллергия на табачный дым – пепельницу, поднимает бровь и гневно сверкает глазами. Боря ерзает на стуле. Это он, видать, подковал шведов насчет результатов аудита.

– Брат Ларе? – хмыкает директор.

Он не совсем понимает проблему. Анатолий смотрит на него преданными глазами.

– Закладывать одно и то же имущество сразу в трех банках – разве это морально? – перевожу я слова вступившего в разговор Эрика.

– Брат Эрик? – опять теряется в догадках Вениамин Львович.

– А что здесь такого? Что здесь такого? – сдают нервы у Анатолия, и золотой браслет звенит кандалами на исхудавшей от тревог руке. – Это обычная практика, обычная практика.

– Он говорит, что все так делают, – вяло бросаю я братцу Эрику.

Тот теряет дар речи и бессильно разводит руками. Отдышавшись, он задает сакраментальный вопрос:

– Так куда ж тогда делись все эти кредиты? От трех банков?

Вопрос повергает директора в глубокую задумчивость, Анатолий испуленно звенит цепью.

– Может, чайку? – неожиданно просыпается во мне хозяйственность, и я выглядываю в приемную. – Валечка, кофе и чай нам, пожалуйста.

Мы пьем чай, аудиторша закуривает очередную сигарету, а шведы обсуждают что-то на родном языке – чтобы я, значит, не понял. После чаепития разговор со стороны шведов приобретает характер грязных домогательств. Их интересует, куда подевались их денюжки, кто вообще разрешил брать банковский заем под арендованное имущество, нашелся ли злосчастный котел (а он никуда и не терялся, родимый), как идет закуп у населения дикорастущих ягод и куда испарились ягоды, якобы закупленные в прошлом году...

Через два часа Анатолий вышел из председательского кабинета чисто физическим и крайне изможденным лицом. Управление совместным проектом возложили на Борю Лыжникову, который, казалось, так и рвался стать под седло.

Месяца через полтора меня занесло к нему по делам. Чтобы не подниматься зря наверх, я спросил у толкущихся на складе грузчиков:

– Шеф у себя?

Грузчики в ответ только заулыбались и показали руками на уши – не понимаем, мол.

Я перешел на английский. Потом вспомнил несколько слов по-шведски...

– Игорь, зря стараешься, – окликнул меня сзади мой шофер Дима. – Это не турмалаи. Это Борька глухонемых нанял, чтобы налоги скостили.

Не имея более вопросов, я поднялся к Лыжникову в офис и отдал ему пакет с бумагами от «брата Вениамина».

Тебе какого Сеппо надо?

– А Сеппо когда приедет? – гнусавит в трубке противный женский голос.

Я уже привык к подобным звонкам, а потому не удивляюсь:

– А какой Сеппо?

Чувствуется, что женщина немного растеряна.

– Ну, он такой симпатичный, из Финляндии... – просящим голосом, растягивая гласные, добивается она.

Она не знает, что Сеппо – чуть ли не самое распространенное среди финнов имя. И я вовсе не издеваюсь, выясняя подробности.

– Ау нас все симпатичные и все из Финляндии, – бросаю я в трубку. – Сеппо Лехтонен приезжает в среду, а Сеппо Перхеентупа – на следующей неделе. Твой какой?

– Ой, я не знаю, – женщина чуть не плачет. Действительно, финские фамилии не схватишь налету. К тому же финны не очень охотно щеголяют ими перед своими русскими подружками.

– Подожди, – снисхожу я, – сейчас посмотрю.

Я достаю заветную книжечку, где у меня записаны – какой стыд, однако! – имена подруг всех моих финских партнеров.

– Так, – тоном секретарши в беседе произношу я в трубку, водя пальцем по засаленной от частого использования страничке, – у Сеппо Лехтонена – Галя, а у Сеппо Перхеентупы – Таня... Ты у нас кто?

– Ой, я Галя, – радуется трубка.

– Тогда твой будет в среду. Часам к восьми можешь подойти в гостиницу, – бесцеремонно распоряжаюсь я женским телом.

Это, собственно говоря, не гостиница, а гостевые комнаты – первый этаж жилого дома с отдельным входом, который держит наш холдинг для заезжих партнеров. Здесь финны устроили настоящий дом терпимости.

– В восемь? Приду, приду обязательно, – радуется Галя. – А вы там тоже будете?

– А я-то вам зачем?

– Поговорить чтобы... – волнуется женщина в трубке.

– Говорунья ты моя, – умиляюсь я. – Буду, конечно, буду.

Подружки моих финнов всегда готовы болтать до одури. И мне приходится часами переводить истории их жизни. Они достают из косметичек фотографии детей и суют их под нос финнам. Финны вежливо улыбаются и дают водку рюмка за рюмкой. У них дома, в Финляндии, сидят такие же несчастные женщины – их жены. А их бумажники полны фотографиями их собственных детей.

Финны ездят к нам совершать адюльтер. Дома это исключено. О какой супружеской измене может идти речь в их родном городишке с трехтысячным населением? Да через час все, включая жену, будут знать, возле чьего дома Ари, Сеппо или Юсси запарковал машину и для чего он туда приехал.

Мурманск для них – огромный и развратный город со скопищем пороков и опасностей. Что-то вроде Нью-Йорка, каким нам показывали его когда-то в «Международной панораме». Всего пять часов на машине, и они вне досягаемости надоедливых детей и опостылевших жен. Более того, в их распоряжении все, как им кажется, блага свободной жизни, непозволительной в их пуританской стране.

Наше начальство в ответных визитах руководствуется древним принципом улитки: все свое вожу с собой, и всякий раз озадачивает меня оформлением виз своим многочисленным подругам.

– Ух, ты! – умиляются финны, принимая странные делегации, где каждого партнера сопровождает личный референт женского пола. – Чтоб нам так жить!

Где его кейс?

Мы с Андреем, Мананниковым, Анатодем, Юсси и Сеппо сидим в ресторане и пьем водку. Сеппо никогда не пьянеет. Перед тем как выпить, он всегда съедает бутерброд, обильно смазанный маслом. Но на этот раз развезло и его. Он разминает в руке сигарету и начинает рассказывать про то, как вчера познакомился здесь же с толстушкой.

Я перевожу. Ресторан дорогой. С живой музыкой. Причем местный оркестр имеет скверную привычку резко обрывать свои оглушительные мелодии. И ты по инерции все еще кричишь последнюю фразу почти в полной тишине. Когда пауза приходится на иностранный отрывок – это терпимо. Ибо никто ничего не понимает. Но когда на русский...

– Сеппо говорит, что вчера он встретил здесь такую толстую и низкорослую девицу, что она могла бы стоять под этим столом, но не могла бы под него лечь! – ору я под легкий скрежет ножей по тарелкам.

По залу прокатывается легкий шорох. Все заглядывают под столы с явным скептицизмом.

– Что, неужели настолько толстая дама? – раздается из дальнего угла недоверчивый и пьяный мужской голос.

– Не знаю, – огрызаюсь я. – Сеппо так говорит.

Вечер летит вперед, Сеппо таки закуривает сигарету. Все хмелеют и начинают нести какую-то чушь.

– А наши снегоходы лучше ваших. У наших две лыжи и один трак... – вдруг начинает Юсси.

– А у наших – одна лыжа и два трака, – включается в беседу Андрей.

– Вот именно.

– Что «вот именно»? Я на своей одной лыже – раз-раз, – Андрей демонстрирует рукой между рюмками. – А ты – раз, бум, и все.

– Ая тоже – раз-раз, – обижается Юсси, «мчась» между тарелками. – А твой «Буран» – бум, и все.

– Не согласен в корне, – возмущается Андрей. – Ты своими лыжами так и сяк, – он показывает. – А если береза?

– Что «береза»?

– А береза растет, – Андрей ставит на роль березы бутылку вермута.

– Ну?

– Что «ну»? Береза так, а ты двумя-то лыжами – тык, а я на своей одной – брык вот так, – Андрей разыгрывает оба маневра руками.

– Нет, Андрей, ты не прав, – удивляется Юсси. – Это я вот так – трык и дры-дры-дры. А ты – хрясь и бум.

– Никакой не бум.

– Бум, бум.

Разговор приобретает напряженный характер. А я уже запутываюсь в переводе всех этих «дрык», «тык» и «дык». Но тут Андрей уходит в туалет. После его возвращения спор, к счастью, не возобновляется.

– Андрей, у тебя целых пять детей, – сокрушается неугомонный Юсси, дернув еще стопку водки.

Андрей, когда я ему это перевожу, выкатывает на меня подозрительный взгляд.

– Я ему ничего подобного не говорил, – развожу я руками.

– Так объясни ему, идиоту, что у меня, как ты и сам знаешь, один сын, – злится Андрей.

– Один сын у него, – говорю я Юсси.

А Андрей показывает палец – один, мол.

– Так, так, так, – горюет Юсси. – Один сын. Стало быть, четыре дочки у него.
И он тяпает еще стопочку.

Уж полночь близится... Мы спускаемся в холл. Мананников зачем-то сует ключи от машины Юсси и идет с номерками брать всем пальто. Одевшись, мы бредем к выходу, когда Мана вдруг спохватывается:

– А где мой кейс?

Мы все оглядываемся.

– Где мой кейс? – не унимается Мана. – Кейс, кейс.

– Я схожу, посмотрю возле столика, – предлагает единственно бодро ворочающий языком Юсси и делает движение к лестнице.

– Не надо, – останавливает его Андрей. – Не было у него никакого кейса.

– Кейс, мой кейс! – ходит Мана по холлу и вдруг кидается к Юсси, выхватывая у него ключи. – Так вот же мой кейс!

– Дебил! – разжигает свой гнев Андрей. – Ключи по-английски «киз», а не «кейс»!

– А пишется как? – возмущается Мана, ища у меня поддержки.

– Пишется «кейс», – вздыхаю я.

– Вот, вот, – мудро качает головой Мана. – И кто из нас дебил: я или эти англичане с их дурацким языком?

Мы разъезжаемся. Мана везет финнов в гостиницу. Андрей везет меня домой. Анатолий тоже садится с нами.

– Ну и дебил! – никак не успокоится Андрей.

Фонари горят тускло. Подметает. Дорога пустынна. Метель усиливается. Машина ерзает по дороге.

– Андрей, Андрей, ты держись этой, как ее, правой стороны, – пугается Анатолий. – Как бы не было кого навстречу.

– Хо-ро-шо, – по складам соглашается Андрей. – А где она, правая сторона?

И тут мне тоже становится страшно.

Большие жирные МакДаки

Ханхи! Ханхи! По-фински это значит «гусь». Я точно это знаю. И буду помнить до конца моих дней. Я не очень хорошо говорю по-фински, но это слово забыть не могу. После того ужина в ресторане с финской делегацией...

Мы отработали весь день без обеда и приехали в ресторан ужинать часов в восемь вечера – усталые и разбитые. Мы сразу тяпаем водочки. И настроение за столом мало-помалу поднимается. Вечер становится приятным, разговор, который мы ведем, – доверительным. Жизнь, как выясняется, не такая уж и плохая штука.

Все идет великолепно ровно до того момента, когда Андрей решает пригласить финнов на гусиную охоту.

– Ну, – говорю я, – он предлагает вам съездить завтра на охоту.

В глазах финнов появляются вопросительные знаки.

– Охота, охота, – повторяю я.

– Да, – говорят они. – Мы понимаем, что такое охота. Но мы хотели бы знать, на кого мы будем охотиться.

– На птицу, – нахожусь я.

– Так, – они явно ждут дальнейшей конкретизации.

– Это птица, большая птица, – уточняю я.

Но мои финны – Ари, Сеппо и Юсси – очень дотошные люди. Более того, они заядлые охотники. И действительно не прочь принять предложение Андрея. А потому хотят выяснить абсолютно точно, на кого же они будут охотиться. А я, как ни силюсь, не могу вспомнить, как по-фински будет «гусь».

– Где она, эта птица, живет? – спрашивает Юсси.

– Ну, знаешь ли, я не ее дворецкий, – огрызаюсь я. – Сейчас проконсультируюсь со специалистом.

И я выясняю у Андрея, что гуси живут в лесу.

– В лесу, – говорю я.

– На дереве? – звучит следующий вопрос.

– Нет, – это уж я точно знаю и сам.

Наши закуски стыннут на тарелках. И лед тает в бокалах с водкой. Все – кроме финнов, конечно – желают поскорее закончить гусиную тему и вплотную заняться ужином.

– Скажи, что у него большие красные ноги, и он плавает, – советует мне Мана.

– Его ноги – большие и красные, – сообщаю я. – И он все время плавает.

– Где?

– Что «где»?

– Где он плавает? В океане?

Тут я немного смутился.

– Вообще-то я не орнитолог, – говорю я финнам. – Но я сейчас выясню.

И я выяснил. Андрей и остальные «наши» уже настолько разозлились, что ответили мне откровенно. О да, они ответили мне все хором. Я перевел их ответ слово в слово.

– Они говорят, – горжусь я, – что эти наши русские птицы – такие смелые парни, что, в принципе, могут плавать там, где только захотят. Даже в океане. Автономно. Как ядерные подлодки. Но у них нет на это причин. Зачем им плавать в океане? Поэтому они плавают исключительно в реках и озерах.

– А какого они размера?

Да, финны действительно решили поохотиться.

– Скажите им, что это большие утки, – мудро советует мне официант, следящий за поединком.

Это было бы выходом, если бы я знал, как по-фински будет «утка». Но к этому моменту я тоже изрядно разозлился. И мой ум обострился. Меня внезапно осенило: диснеевский мультфильм, дядюшка Скрудж МакДак! Все на свете его знают!

– Дисней! – выпаливаю я. – Американский мультфильм о

Скрудже МакДаке! Вы его знаете?

– О да! – кивают финны.

– Так вот, вы будете охотиться на больших мистеров Мак-Даков! – ору я. – Теперь понятно?

– О да, – смеются финны, – конечно. Ханхи!

– Пусть будет так, – вздыхаю я.

Обстановка разряжается. Все улыбаются, и мы принимаемся за нашу теплую водку с остывшими горячими закусками. Часа через три, когда мы собираемся уходить, Вениамин Львович, ковыряя во рту зубочисткой, замечает:

– Да, два раза я здесь был. И два раза мне не понравилось...

А финны таки поехали на следующий день охотиться на гусей. Без меня, конечно. Нет, я не был занят. Просто я ненавижу убивать птиц. А еще через день мы встретились снова.

– О, Игорь, эти большие МакДаки были такие жирные! – взревели финны.

– Ханхи, – поправил я их, – ханхи.

По-фински гусь будет «ханхи»! Я теперь этого никогда не забуду...

Заначка, сэр!

Гуся хотя бы можно было попробовать описать. Куда более злокозненный случай как-то раз вышел у меня с русским словом «заначка». Я работал с заезжими англичанами, повадками и манерой одеваться напоминавшими наших отечественных бомжей. И все же это были представители самого настоящего бизнеса с берегов Туманного Альбиона.

За обильным обедом Андрей в деталях живописал гостям эпизоды своих позиционных боев с женой. Разгорячившись, он стал рассказывать о страшном случае, когда супруга обнаружила в потайном кармане его пальто заначку.

– Znachka, – довольно бодро сообщил я гостям, для убедительности снабдив это слово дружеской улыбкой.

– И что это такое? – поинтересовались иноземцы.

Вот тут и началось самое страшное. Вы сами, прежде чем читать дальше, попробуйте объяснить, что такое «заначка». Хотя бы по-русски.

– Это та часть денег, которые он спрятал от жены, – пояснил я.

– Он ворует у нее? – изумились англичане и посмотрели на Андрея с явным неодобрением. – Это ее доходы? И он хитростью завладел ими?

– Нет-нет, – замахал я руками. – Это его собственные деньги. Но жена о них не знала.

– А! – «догадались» островитяне. – Он украл, но не у нее. И прятал, чтобы она не заявила на него в полицию.

– Нет-нет, – опять возмутился я. – Он их заработал. Он долго и много работал. Целый месяц. Честно, очень честно трудился. И ему дали зарплату. Часть этих денег он отдал жене, а часть спрятал.

– А почему он их прятал, если они и так его? – англичане явно ничего не понимали.

– Чтобы жена не нашла, – огрызнулся я, чувствуя, что мои объяснения пошли по кругу.

– Ага! – обрадовались туземцы, но тут же понурились и сочувственно уставились на Андрея. – Жена у него пьет. Она заберет все деньги и пропьет. А семья будет голодной.

– Да нет же, – прервал я их гнусные домыслы. – То, что он спрятал, называется заначкой. Жена не должна знать об этих деньгах. И вовсе не потому, что она их пропьет. Нет. Она может потратить их на вполне благие цели. Например... – я скептически посмотрел на собеседников. – Да хоть бы даже и пожертвовать церкви. Да, она запросто может пожертвовать их церкви. Или купить себе губную помаду. Но Андрей этого не хочет...

– Он атеист? – возмутились бизнес-бомжи, очевидно, пропустив помаду мимо ушей.

– Да как вы такое могли подумать? – разозлился я. – Андрей, он, знаете ли, истовый христианин. Просто он хочет потратить эти деньги сам. Хоть бы даже на ту же самую церковь. Или на водку, например. Но сам.

– Так пусть тратит, – замотали от бессилия кудрявыми головами англичане. – Зачем прятать-то?

– Но... – растерялся я.

– Нет, мы тебя не понимаем, – взял беседу в свои руки главарь закордонной делегации. –

Теперь вопросы буду задавать я.

Я покорно кивнул. И гость тут же пошел в атаку.

– Деньги чьи?

– Его, – промямлил я, кивнув на Андрея.

– Тратить он их на кого хочет?

– На себя.

– Его жена склонна к воровству и разврату?

– Нет.

– Он ей должен?

– Нет. Вовсе нет. Наоборот, это он кормит семью.

– Так в чем тогда проблема? Почему просто не сказать жене: «Не трогай эти деньги»? Зачем он их прячет? И что будет, если жена их найдет?

– Если жена их найдет, – устало доложил я, – она будет долго кричать, будет кидаться на него, чтобы драться. Возможно, даже будет бить его. Может быть, даже больно. Потом она будет плакать, а он будет ее утешать.

– А потом? – не выдержал особо оборванный островитянин. – Что будет потом?

– Они помирятся, – предположил я.

– А потом?

– Что потом? Лягут спать, наверное.

– Тогда я понимаю, что такое «заначка», – радостно захлопал в ладоши оборванец. – У меня кошка. Недавно носили ее на случку. У них все точно так же. Сначала драка, шерсть клочьями. А потом – секс. «Заначка» – это русский вариант эротической прелюдии.

Рогатый бизнес

У нас деловая встреча. Я, Анатолий, финская братия и менеджер по закупкам одного из наших супермаркетов Анна Ивановна сидим в кабинете директора и пьем кофе.

Шефа нет. Он уехал с Мана перенимать опыт в Лондон. В прошлом году он уже был в Лондоне. И ему там, очевидно, понравилось. А позапрошлой зимой он летал перенимать опыт в Австралию – там, как вы сами понимаете, как раз было лето – и привез оттуда много полезного: бронзовый загар, воспоминания на всю оставшуюся жизнь и твердое понимание того, что кенгуру в Мурманске не приживутся.

Анатолий прихлебывает из чашки и нервно поглядывает на финнов. У него тоже богатый опыт делового сотрудничества. Так, совсем недавно он продал партию песцовых шкур в Штаты. В Америке шкуры тут же уценили и отказались платить контрактную стоимость. Сборы были недолги. Через три недели Анатолий и наш неизбывный директор вылетели в Нью-Йорк. Вернулись они спустя еще две недели – довольные до чертиков. О шкурах больше никто не вспоминал. И денег от их продажи, даже с учетом уценки, никто не видел.

Анна Ивановна вертит в руках банку сухого концентрата апельсинового сока, привезенного финнами в качестве образца и выставленного на стол. Она, как все женщины, более открыта в своих желаниях.

– Игорюша, – спрашивает она меня, – а они нам подарят по банке такого концентрата?

– Это с какой же радости, Анна Ивановна? – изумляюсь я.

– А ты спроси у них, Игорюша, спроси, – не унимается Анна Ивановна.

– Да не подарят они.

– Это почему же? Я вот в прошлом году была с делегацией в Норвегии. Так нам, как только приехали, сразу выдали по пятьсот крон. Да, вот так.

– Так это ж с делегацией...

– А ты все же спроси, Игорюша. Чего тебе стоит.

– Да перестаньте вы, Анна Ивановна!

– Нет, ну как же. А дай я сейчас сама спрошу.

И Анна Ивановна пускается в дебри английского языка:

– Ай тейк? – показывает она на банку. – Возьму, да? Тейк?

– Да, – кивают финны в ответ.

– Сколько тонн она возьмет? – спрашивают они меня.

Я краснею и объясняю, что мадам хочет взять именно одну эту банку. Так сказать...

– Для образца? – «догадываются» финны.

Им в голову не может прийти, что человек в норковой шубе может клянчить двухдолларовый порошок.

– Да, да, для образца, – облегченно выдыхаю я.

Финны еще раз кивают.

– Берите, Анна Ивановна, – разрешаю я.

Анна Ивановна засовывает концентрат в сумку, ее лицо светлеет.

– Я же говорила, что подарят, – торжествует она.

– Угу, – бурчу я и жду самого главного.

Самое главное заключается в том, что Анатолий, разжившийся где-то по дурости спилками оленьих рогов, хочет втюхать их финнам.

– Это такой ценный товар, – убеждал он меня. – Иностранцы отрывают с руками.

И вот Анатолий дергает щекой, достает из портфеля грязный опилок сантиметров десяти длиной, протягивает его Ари и ожидающе смотрит на меня. Ари брезгливо берет огрызок двумя пальцами.

– Олений рог, – гордо уточняю я. – Товар просто уникальный. Только для вас Анатолий Степанович может поставить... Сколько у вас там есть? Может поставить триста килограммов.

Ари недоверчиво вертит чудо-товар в руках.

– Качество отменное, – перевожу я Анатоля.

– А зачем они нужны? – удивляется финн.

Анатолий выглядит растерянным, когда я переадресовываю вопрос ему.

– Зачем – не знаю, – разводит он руками. – Но иностранцы так берут охотно...

Птица Феликс

Мы с Ари целый день ездили по мелким мурманским фирмешкам. Финны ищут новых партнеров для сбыта своих товаров. Я заранее прозвонил несколько адресов. И сегодня мы сделали набег.

Сначала заглянули к толстому дядьке. Я как-то встречал его в Финляндии. Он плавал в аквапарке Саарисельки кверху брюхом, как дохлая протухшая рыба. И на его груди красовались пятна какого-то экзотического лишая. Рядом плескались две его подружки.

Мы сразу узнали друг друга и обменялись рукопожатием, как родные. Вспомнив о лишаях, я внутренне содрогнулся, но виду не подал. Поговорили «за жизнь». Финны предложили ему торговое оборудование. Он как раз собирался открыть новый магазин. Лишай повертел в руках фото и ткнул пальцем в дату (финны по глупости сервировали снимки датой):

– Прошлый март. Если его за полгода никто не купил, кому оно нужно?

Ари, когда я ему сообщил об этом, зацокал языком. И мы убрались восвояси.

Следующим номером в нашей программе был Феликс. Я знал его давно. Еще с тех пор, когда он заведовал овощным магазином, проворовался и был уволен. Мне рассказывали, что, когда его вызвало начальство, чтобы вручить «черную метку», он чуть не плакал и умолял не передавать дело в суд. Его пожалели, и он отделался статьей «по недоверию».

Прошло несколько лет, и Феликс возродился из пепла. Он открыл несколько магазинов и арендовал оптовые склады. Обзаведясь всем этим, Феликс зажил в свое удовольствие. И тут же приобрел себе под квартиру весь первый этаж новенькой высотки в центре. Высотка – я знаю это, потому что мой шеф имел несчастье проживать именно в ней, – считалась элитной и раскуплена была на корню «новыми русскими», что превратило для шефа жизнь в ней в сущий ад.

Начнем с того, что на седьмом этаже жил Акоп Оганесян – строительный король города, который, кстати, этот дом и построил. Дядя Акоп любил бастурму и готовил ее сам по старинным рецептам с использованием особых специй, за которыми специально периодически посылал гонца в Турцию.

Он закупал килограммов двадцать мяса, обмазывал его этими самыми специями и вывешивал на кухне. Ядовитая перечная вонь разъедала глаза уже при входе в подъезд. А слабый запах чувствовался за два квартала.

– Дядя Акоп готовит бастурму, – говорили жильцы соседних домов, принимаясь в своих квартирах.

Шеф, с его аллергией, истерически чихал и проклинал свое богатство, которое закинуло его в этот чертов дом.

На последнем, десятом этаже жил рыбопромышленник с утраченной для истории фамилией. В морозную зиму, как раз когда отвоняла Акопова бастурма, он решил устроить на чердаке сауну и для этих целей зациклил там отопительный стояк. Отапливаться стали исключительно его квартира и чердак с сауной.

Три дня девять нижних этажей клацали зубами, спали прямо в норковых шубах и кляли на чем свет стоит городские власти. На четвертый день кто-то случайно узнал, что в соседних домах тепло есть. Стали докапываться до истины. И уже на пятые сутки делегация из женщин в помятых от спанья норках и стая сопливых детишек молотили посиневшими руками в двери рыболова.

– Что ж ты, сукин кот, творишь! – взревела, как Ярославна на валу, жена Акопа Оганесяна – Изольда Оганесян. – У нас уже бастурма заморозилась!

– А чтоб ты сдохла со своей бастурмой! – визгнул из-за двери рыболов, но на следующий день отопление все-таки разомкнул.

Шеф тихо балдел, оглушительно сморкался,пил чай с малиной и грозился съехать в спальный район, к народу.

Вот в эту-то воронью слободку и въехал Феликс, приобретя, как я сказал, весь первый этаж. Четыре месяца дом сотрясался от грохота перфораторов. На пятом месяце ремонт был закончен, и Феликс пригласил соседей на новоселье.

Когда Акоп, рыбный король, мой шеф и их жены вошли в Феликсову берлогу, их прошиб холодный пот. Хозяйской волею на этаже были снесены все стены и перегородки, кроме наружного контура. Абсолютно все. Девять верхних этажей держались на четырех стенах и добром слове. Один громкий чих или неосторожный взглас – и мой шеф рисковал очутиться вместо шестого на первом этаже вместе с Акоповой бастурмой и сауной рыболова. Торжества были скомканы, Феликса прижали в углу и потребовали немедленно принять меры. Еще три месяца потребовалось ему на возведение арок и колоннад.

Шеф тихо плакал, проклинал свою деловую хватку и искренне завидовал обитателям одноэтажных барачков. Следующее новоселье Феликса прошло без осложнений, не считая того, что несколько гостей, отправившись на поиски туалета, чуть не заблудились в аркадах.

Вот к этому-то Феликсу мы с Ари вломились в офис с предложением о сотрудничестве. Феликс тут же проникся важностью ситуации и сразу пошел на контакт.

– Есть у меня идея, – сказал он мне. – Хочу построить шестиэтажный гипермаркет с подвальным гаражом. Есть все: чувства, мысли, фантазия и добрая воля. Не хватает малого – ста сорока миллионов долларов. Все окупится через каких-нибудь двадцать лет. Да ты переводи, Игорь, переводи.

Но я не стал это переводить. Я просто посмотрел Феликсу прямо в глаза и откровенно сказал:

– Феликс, неужели вы думаете, что, если бы у меня были знакомые, готовые без всяких гарантий вложить куда бы то ни было сто сорок миллионов долларов, я сидел бы сейчас здесь перед вами? Да если бы у меня были такие знакомые, я давно жил бы в Ницце на вилле стоимостью три миллиона баков и имел в Швейцарии счет еще на сто тридцать семь миллионов. И этот финн, – я указал на Ари, – имей он таких знакомых, поступил бы точно так же.

Такая вот птица этот Феликс.

По законам военного времени

Чтобы понять дальнейшую неразбериху, нужно немного углубиться в лингвистические дебри. Фраза «katso, please: military laki» состоит из смеси английских и финских слов. «Katso» по-фински означает «смотри». «Please» по-английски – «пожалуйста». «Military», тоже по-английски, – «военный». А вот с «laki» в нашем случае вышла несуразица.

Дело в том, что в финском языке есть долгие и краткие согласные, которые выполняют и словоразличительную функцию. Проще говоря, одно слово может отличаться от другого только одним этим долгим или кратким согласным звуком. На письме долгота обозначается удвоенной буквой, а на слух почти незаметна. Так вот, «lakki» по-фински означает «фуражка», а «laki» (с кратким «к») – «закон». Отсюда и значение всей двузычной фразы меняется кардинально.

А теперь сама история.

Мы выходим с Юсси и Пертти из бара, где мои приятели по финской традиции купили на дорожку водки, и идем к машине. Когда мы уже готовы в нее залезть, к нам подбегает маленький человечек, достает из кармана офицерскую кокарду, сует ее финнам под нос и говорит задушевно ту самую замечательную фразу:

– Katso, please: military laki.

Плохо зная финский, я не обращаю внимания на злосчастное «laki». И без того все понятно: мужичок хочет продать иностранцам эту самую кокарду с военной фуражки, которую, не зная слова «кокарда», он и упоминает. Посмотрите, мол, пожалуйста. Я вежливо улыбаюсь в ответ и отмахиваюсь. Тем большее недоумение вызывает у меня реакция моих финнов. Они бледнеют, потом сереют. Трясущимися руками Юсси отмыкает машину. Косясь то на меня, то на субъекта с кокардой, Пертти спрашивает:

– Можно ехать?

– Конечно, – недоумеваю я.

Мы трогаемся с места. Финны все время воровато оглядываются. Они, в отличие от меня, поняли ситуацию совсем по-другому.

– Это из-за водки? – спрашивает Юсси, его глаз нервно подергивается.

– Что из-за водки?

– Проблемы с военными.

– У вас проблемы с военными? Какие проблемы? Вас что, пограничники задержали при въезде?

– Нет, но вот этот товарищ...

– Какой?

– Да вот только что. Из ЧК. С полицейским значком, который он нам предъявлял. Это из-за водки? Мы не имели права столько покупать, да? Это стратегический русский продукт?

Тут я начинаю понимать, о ком идет речь, и пытаюсь выяснить, что же такое произошло. Через пять минут ситуация проясняется. Финны сияют от радости:

– Мы думали, что в лучшем случае нас отправят на двадцать пять лет в Сибирь. А в худшем – вывезут за город и расстреляют без суда и следствия.

Гармонь, моя любимая

Ари опостылела жена. Но он очень любит свою семилетнюю дочку Аниту. Это я знаю от него самого. И вот во время очередного приезда он проедает мне плешь просьбами достать для Аниты гармошку. Бизнес ему не в бизнес.

– Когда закрываются магазины? – тербит он меня с обеда. – Мы успеем? Я должен ее купить во что бы то ни стало.

– Успеем, успеем, – утешаю я его.

Задача оказывается элементарной. Все полки в салоне музыкальных инструментов уставлены гармошками, баянами, аккордеонами всех размеров, цветов и фасонов. Ари пробует пару инструментов. Играть он не умеет, поэтому звуки извлекает душераздирающие. Вдруг его блуждающий взгляд устремляется на балалайку.

– Игорек, как ты думаешь, что играет громче – гармошка или балалайка? – ищет он моего совета.

– Думаю, что гармошка, – теряюсь я. – А твоя дочка на чем хочет играть?

Ари хмурится:

– Да ей, собственно говоря, все равно. Она ни на чем играть не умеет. Я целыми днями на работе. А жена все время дома. Так хочется, чтобы дочка играла как можно громче. Я гармошку беру. Пусть играет. Чтоб у жены голова раскалывалась.

По две курицы за страницу

Ко мне в кабинет заявляется директор птицефабрики по фамилии Булыга. Он держит в руках бумажный сверток. Из свертка капает.

– Готов контракт, Игорюша?

Булыга – друг моего шефа. И мне пришлось взять на перевод его контракт.

– Угу, готов.

Булыга сует сверток мне в руки.

– По две курицы за страницу, Игорюша. Как и договаривались.

– Угу, – говорю я.

А что мне еще остается сказать? Денег у птицефабрики нет. А куры пока есть. И был еще один трактор. Какой-то новый, иностранный. Но его судьба уже решена переведенным мною контрактом. Булыга продает его шведам, а взамен получает для себя бэушную легковушку «вольво».

Я держу в руках сверток, и куриная кровь капает мне на туфли.

– Не тяжело вашим птичницам будет без трактора, Василий Сергеевич? Последний ведь он у вас? – спрашиваю я.

– Ай, – отмахивается Булыга, вытирая платком пальцы, – справятся! Не ходить же мне пешком на работу. Спасибо, Игорюша.

Неуверенный Егорыч

– Мы обязательно найдем вам хорошего переводчика с финского. Есть у нас такой человек. И за ним уже послали, – обещает Мана.

В директорском кабинете тесно. Мы учреждаем автотранспортное предприятие. И финны собираются продать нам седельные тягачи вместе с фурами. Разговор серьезный.

Чтобы порадовать Сеппо, Мана послал за своим знакомцем Петром Егоровичем.

Пока Егорыч не появился, мы приступаем к переговорам. Технические термины для меня трудноваты. Разговор идет медленно. Однако в течение часа мы все же выясняем модель тягача, грузоподъемность фуры и объем кузова, количество осей, в том числе ведущих, нагрузку на грунт, нагрузку на ось, тип рефустановки, расход топлива ведущего дизеля и дизеля рефустановки и подходим уже к температурным максималам рефустановки...

В это время в кабинет заходит мужичок с папочкой в руке.

– Егорыч! – приветствует его Мана.

Мужичок достает из папочки русско-финский словарь, что сразу меня настораживает, и приветствует наших партнеров:

– Терве! (Здрасьте!)

Финны склабятса в ответ и жмут Егорычу руку.

– Теперь дело пойдет, – радуется Мана. – Сейчас выясним максималы.

– Я немного потренируюсь? – спрашивает наш новый друг. – Давно, знаете ли, не общался.

Шеф мрачно кивает:

– Приступайте. Только быстрее.

Егорыч изрыгает на финнов, подбирая слова, какую-то тираду. Я ничего не понимаю. Но в глазах Сеппо и Юсси тоже сквозит напряженное внимание.

– Митя? (Чегось?) – переспрашивают они.

Мужичок повторяет заход. Наверное, это и есть тренировка. Юсси начинает втолковывать Сеппо смысл сказанного.

– Сеппо что, по-фински не понимает? – бурчит шеф.

Тем временем для Петра Егоровича наступает момент истины. Финны наконец-то разобрались с его вопросом и начинают что-то объяснять. Теперь уже Егорыч поминутно спрашивает: «Чегось?» – и финнам приходится начинать все сначала.

Проходит минут двадцать. Финны взмокли. Егорыч издергался. Он нервно мусолит словарь. Шеф выпил уже три чашки чая. Мана скурил пять сигарет. Андрей, директор будущего предприятия, ерзает на стуле. Я злорадствую.

Еще через двадцать минут Юсси начинает рисовать в блокноте машинку, объясняя что-то Егорычу на пальцах.

– Ну что, натренировались? – бурчит шеф.

– Про максималы спросите, про максималы, – торопит Андрей.

– Максималы? – удивленно поднимает бровь Петр Егорович. – Насколько я понял, здесь речь, кажется, идет о какой-то машине. Но я еще не уверен, хотят ли они ее продать или купить...

Терве, терве, негодяи!

Наше автотранспортное предприятие рождалось скоростно и в муках. Из-за спешки в его уставе можно было вычитать подобные перлы: «В правление делегируется по одному человеку от каждой из двух сторон-учредителей – итого три человека». Но вот финны привезли нам первую подержанную «вольвушку», и работа закипела.

Как оказалось, на максималах Егорыча беды не закончились. За первые полгода работы на тягаче полетели кардан, коробка передач и двигатель.

– В этом есть и светлая сторона, – утешал я Андрея. – Теперь у тебя практически новая машина.

Андрей вертел в руках счета за ремонт и плакал крупными солеными слезами.

Последней каплей горя явился интернациональный экипаж. Финны настояли на том, чтобы одним из водителей был дальний родственник Сеппо – алкоголик Пентти, который тут же стал оказывать разлагающее действие на своего русского коллегу Петю.

Петр и раньше-то не был трезвенником. А теперь под руководством финского тезки и вовсе стал пошалить. Расписание рейсов машины, как у парусной шхуны, целиком зависело от игры стихии. Чтобы выезд состоялся, требовалась ситуация, когда хотя бы один из водителей был трезв. А предсказать это заранее было непросто. Тем более что пили они почти всегда вместе.

– Заведи себе гадалку или астролога, – предложил я Андрею.

Андрей выругался матом, а потом извинился.

Даже при счастливом стечении обстоятельств, когда машина трогалась с места и без поломок доезжала до границы, ни один рейс не обходился без сюрпризов. Как-то раз наши «пентти» прикрепили сверху на фуру ящик водки, не зная, что таможенный пост оснащен видеокамерой слежения на мачте. Когда через пять часов мы с Андреем приехали на границу платить штраф, таможенники все еще хохотали.

В другой раз водилы умудрились потерять «матка лупа» (разрешение на проезд грузового транспорта по финской территории). Эту самую «матка лупа» им выдали в гараже в полиэтиленовой папочке. Через двести пятьдесят километров, когда они добрались до границы, она таинственно исчезла.

Мы с Андреем и девственно новой «матка лупой» прибыли, как всегда, через пять часов. Таможенники утирали слезы от смеха. Когда Андрей стал кричать на Петьку так, что с мачты упала видеокамера слежения, один из них подошел ко мне и попросил не наказывать драйверов.

– Самый прикольный экипаж, – сказал он. – Мы ждем каждого их рейса. Без них скучно работать.

– Я тоже каждого их рейса жду! – сказал Андрей демоническим голосом и положил под язык нитроглицерин.

В это время из кабины грузовика высунулся пьяненький Пентти.

– Терве, терве! – помахал он рукой нам с Андреем и задумчиво улыбнулся.

– Терве! Терве! Негодяи! – рявкнул Андрей и случайно проглотил нитроглицерин.

Капитанский капкан

Один знакомый сосватал мне английского шипчандлера (судового поставщика). И мы с ним отправились в Нижний Новгород для переговоров с Волжским речным пароходством. Весь день переговоры шли великолепно. Но вечером мы имели несчастье назначить встречу с неким капитаном.

Наши капитаны – народ особенный. Любой из них несет в себе богатую коллекцию дурных привычек. Одни слишком много пьют. Другие постоянно ругаются матом. Третьи...

Впрочем, все эти проблемы разрешимы. Особенно, когда вы путешествуете с шипчандлером. Но одна из капитанских дурных привычек (ей инфицировано все поголовье отечественных капитанов) особенно зловредна: они считают, что умеют говорить по-английски. Наш капитан не был исключением.

– Моя есть говорить сама собой, – с порога обратился он на ломаном английском к моему другу.

Эта фраза сразу же зародила во мне некоторые сомнения относительно его лингвистических способностей. Но изменить что-либо я был не в силах – капитан просто рвался в бой. Совсем как старая полковая лошадь, вновь почувствовавшая себя под седлом. И я позволил ему мучить моего английского друга. Переговоры начались.

– Видите ли, капитан... («You see, captain...»), – начал несчастный шипчандлер.

Это «видите ли» было его любимой фразой. И он начинал ей чуть ли не каждую свою мысль. Больше он этого не делает. После той самой встречи с капитаном.

– Видите ли, капитан... – начал он.

– Спасибо, спасибо, огромное спасибо за комплимент, – прервал его капитан, зардевшись и озарив лицо стеснительной улыбкой. – Но я должен быть откровенен: я не морской, а речной капитан.

Дело в том, что в английском языке слова «морской» (sea) и «видеть» (see) звучат одинаково. Последовала долгая пауза, во время которой шипчандлер пытался понять, что пошло не так. Когда он сообразил, в чем дело, он начал снова (это был ложный шаг):

– Видите ли, капитан...

– Прошу прощения, – снова с улыбкой, – но я не морской капитан – я речной капитан.

Что можно сказать о нашем морском волке? Он был профессиональным моряком. И все его знания лежали в сфере его профессии. Он не был лингвистом. Он ничего не знал об омофонах, которые пишутся по-разному, а произносятся одинаково. И во фразе «you see, captain...» ему слышалось «you're a sea captain...»

Сначала у меня было желание вмешаться. Но затем мне пришло в голову, что мы были гостями капитана. Следовательно, было бы абсолютно бестактным обращать внимание на его ошибки – он так гордился своим английским. Поэтому я хранил молчание.

Охваченный паникой шипчандлер бросил на меня дикий взгляд и сделал третью попытку. На этот раз без своего «видите ли». Капитан был счастлив поддержать разговор. Но уже второе или третье предложение мой друг начал со своей коронной фразы. Улыбка на лице капитана не оставила никаких сомнений. Шипчандлер замолк и обреченно выслушал получасовую лекцию о специфике речного судовождения и принципиальной разнице между морем и рекой. Да, наш капитан был большим патриотом своей профессии.

Они разговаривали более четырех часов. Я сожалел о потраченном напрасно времени. Шипчандлер сожалел, что вообще появился на свет. Капитан сожалел о тупости шипчандлера, но не мог предать свою профессиональную гордость.

Когда мы прощались, капитан заметил:

– Волга – это судьба моя!

– О да! – воскликнули мы с англичанином в один голос.

Только без макарон!

В городе суета: грянул международный форум. Я приезжаю в гостиницу забирать своего норвежца.

Первым, с кем я нос к носу сталкиваюсь в холле, оказывается Мартти – финн-переводчик. Одно время его таскал с собой Сеппо. Мартти был его идеей фикс. Когда я услышал Мартти в первый раз, то принял его за чеха или хорвата. Славянская суть языка, на котором он говорил, была очевидна. Но понять я не мог ни слова.

– Так это ж он по-русски шпарит, – гордо объяснил мне Юсси.

– Ага, понятно, – хмыкнул я.

Но, если честно, то понятного было мало.

Сейчас за Мартти, как цыплята за курицей, бегут его жена в ветхом пальтишке и куча ребятишек. Причем видно, что младшие донашивают одежду старших.

Увидев меня, Мартти радостно улыбается и резко тормозит. Жена тыкается ему в спину. Ребятишки с писком сбиваются в кучу. Мартти оборачивается и гневно изливает на них какие-то финские проклятия. Семья испуганно перестраивается в шеренгу. Наведя порядок, мой друг приветствует меня:

– Пока!

– Привет, Мартти, привет!

Финн хлопает себя рукой по лбу:

– Да, конечно. Привет!

– Какими судьбами?

– Как?

– Чего, говорю, здесь делаешь?

– А! Я этот, как его, пред-се-да-тель «Суомийуусто».

– Ты – председатель?

– Ага.

– Свою фирму, что ли, открыл?

– Нет, я здесь как их пред-се-да-тель.

– Может, представитель?

– Ай, да, пред-ста-ви-тель. Конечно.

– Ну, давай-бывай.

И я несусь по холлу к лифту. Два лица южной национальности кидаются мне наперерез.

– Рэкет! – думаю я.

– Мы турецкие моряки, турецкие моряки, – объясняет один из них по-английски. – Скажите, пожалуйста, где здесь можно поесть?

– Бар вон там, – машу я рукой вдоль холла.

– Нет, нет, ради аллаха! – пугается он. – Там только водка и печенье.

– Турецкое печенье, – млеет второй.

– Понимаете, – объясняет первый, – у нас был переход Сингапур – Мурманск. Два месяца одни макароны.

– Я дома повешу жене над кухонной дверью табличку: «Никаких макарон!», – жалится второй.

– Мы нормальные. Я, например, радиоинженер, – продолжает первый. – Скажите, где здесь ресторан?

– На втором этаже, вон через ту дверь.

– Спасибо, спасибо.

Я поднимаюсь на этаж.

– Ах ты, басурманская рожа! – орет дежурная по этажу на съжившегося возле стойки индуса. – Ты что же, гад, телефоны тыришь, да?!

Стоящий рядом с индусом хохляцкого вида морской офицер смущенно переминается с ноги на ногу:

– От же лышенько. Воно ж приехало авианосэць купляты. У нього ж контракт на три мильярды долларив. А воно телехвон з кимнаты упэрло. От же лыхо-лышенько.

Я чувствую, что моя голова начинает помаленьку распухать. Когда я стучусь в номер Берта, ощущение такое, как будто я бью себя по лбу киянкой. Кривой от головной боли улыбкой я приветствую норвежского друга.

– Игорь, – говорит Берт с порога, – это невозможно. Завтрак стоит четыре доллара. Так? Вчера утром я отказался от булочки. Я сразу сказал девушке на раздаче, что булочку не буду. И я не взял булочку, понимаешь? Но мне никто не вернул часть денег. Никто. Как ты думаешь, Игорь, сколько она может стоить, эта булочка?

– Я спрошу, я сейчас спрошу, – скулю я и веду несчастного Берта с ежемесячным доходом в пять тысяч долларов на завтрак.

– И сегодня я тоже не хочу булочку, – втолковывает он мне по дороге. – Если я буду так сорить деньгами, то вылечу в трубу.

Американская гордость

Однажды я работал с неким янки. Сейчас я уже не помню, зачем его занесло в Мурманск. Деловая поездка, скорее всего. Да это и неважно. Его звали Боб. И он приехал из городишки (не то Ньювиллиджа, не то Дьювиллиджа), о котором я сроду не слышал.

Боб, правда, тут же объяснил мне, что его Фьювиллидж расположен в каких-нибудь тридцати милях от Портвика (или Дортвика?) Так что, если вы знаете этот самый Портвик-Дортвик, то Кьювиллидж всего в получасе езды. Но в какую сторону? Не думаю, что портвикцы знают об этом. Равно как и дортвикцы.

Но вот если вам посчастливится встретить там кого-нибудь из Сьювиллиджа, он, несомненно, тут же укажет вам дорогу. Я уверен, что все они знают дорогу из Мьювиллиджа в Портвик и обратно, из Дортвика в Хьювиллидж. Во всяком случае, Боб ее знал, ибо собирался вернуться в родной город и никогда не выказывал ни малейшего сомнения по этому поводу.

Но я немного отвлекся. Итак, мы с Бобом влезли на смотровую площадку, и мой американский друг, прищурив глаза, окинул взором панораму города.

– Да, большой город, – сказал он. – Почти что с наш Бьювиллидж.

Сказать, что я был удивлен, было бы слишком слабо. Нет, я был в шоке.

– Но, – выдавил я, обрета дар речи, – но сколько же жителей в этом твоём Тьювиллидже?

– О! – протянул Боб задумчиво, и его глаза наполнились ностальгией. – О, ядреный у нас городище, очень ядреный. Большое яблоко, так сказать. Двенадцать тысяч!

– Двенадцать тысяч?

– Почти.

– Но население Мурманска превышает триста тысяч! – вскричал я. – Признайся, что это несколько больше двенадцати.

Боб выглядел удивленным и расстроенным. Но это продолжалось не более двух или трех секунд. Потом он посмотрел мне прямо в глаза. Американская гордость пылала в его взгляде.

– Но кажется, – сказал он, поджав губы, – с виду кажется, что Бьювиллидж гораздо, гораздо больше...

С тех пор прошло уже пять лет. Но я так до сих пор так и не нашелся, что же ему на это ответить. Впрочем, это, конечно, не имеет уже никакого значения: Боб уехал из Мурманска на следующий день после нашего разговора. Он вернулся в свой Льювиллидж.

И мое единственное желание заключается теперь в том, чтобы поехать в Штаты, найти этот чертов Дортвик или Портвик, проехать от него тридцать миль в нужном направлении и взглянуть собственными глазами на городишко с двенадцатитысячным населением, который способен затмить собой трехсоттысячный город.

Лихой паромщик

– Игорек? Здравствуйте. Это Лев с овощебазы, – звучит в трубке вкрадчивый голос.

Боже, надо ж так представляться.

– А я – кролик с мясокомбината! – так и подмывает меня на грубость.

Выдержка, главное – выдержка.

– Добрый день, Лев Владимирович. Слушаю вас внимательно.

– Игоречек, позвоните, пожалуйста, в Испанию. Опять они нам всю поставку сгноили на пароме.

– Конечно, – говорю я, хотя прекрасно знаю, что дело гиблое.

Овощи едут из Испании в Германию на испанском тягаче. Потом фура грузится на финский паром и идет в Хельсинки. На переходе электрическую рефустановку запитывают от сети парома. Для экономии – премию им, что ли, за это дают? – финские паромщики частенько вытывают ее из розетки. Когда в Хельсинки фуру берут финские драйверы, овощам уже нанесен непоправимый ущерб.

Самописцы всякий раз фиксируют нарушение температурного режима во время морского перехода. Но излить праведный гнев не на кого. Испанцы валят все на паром, финские экспедиторы – на испанцев. А паромщики при этом клянутся римскими богами, что перебой в электроснабжении у них быть не могло. Крайними, таким образом, оказываются самописцы и сами овощи, имевшие наглость сгнить, не проникшись духом солидарности с нашим холдингом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.